

**ЮЛИЯ
ЛАТЫНИНА**

НИЧЬЯ

Юлия Латынина

Ничья

«ЭКСМО»

Латынина Ю. Л.

Ничья / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,

Они оба начинали в 90-м году – будущий «крестный отец» Нарыма и его самый крупный предприниматель. Предприниматель покупал прииск – и бандит покупал прииск. Предприниматель приобретал нефтяную компанию – на ту же компанию имел виды бандит. Малюта и Сыч претендовали на одни и те же прииски и одни и те же заводы. В конце концов, они поделили край и жили в мире, пока не сцепились из-за того, что нельзя было поделить, – из-за женщины.

© Латынина Ю. Л.

© Эксмо

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юлия Латынина

Ничья

Изнутри новый бизнес-центр был потрясающе красив. Вся середина его была как закрытый мусульманский дворик, с вечнозелеными зарослями, раскинувшимися внизу, легкими мостками, соединявшими между собой этажи, и унесенной далеко-далеко, на девятый этаж, стеклянной крышей.

Многие сомневались, что здесь, в далеком сибирском крае, хотя бы и лопавшемся от нефти и глинозема, инвестиции в подобную недвижимость будут рентабельны. Однако ж компания «Акрон» вложилась в здание вместе с краевой администрацией и не прогадала: уже за месяц до сдачи объекта помещения под офисы были разобраны, и сейчас на многих этажах красовались латунные таблички с названиями компаний и фирм. Поговаривали, что в краевой администрации о-очень поощряли желание бизнесменов арендовать помещение в «Акрон-Плаза»; кроме того, «Акрон» получил на здание ссуду от властей.

Сейчас большинство арендаторов собрались на втором этаже, на вознесенной над зеленой площадке ресторана: хозяева праздновали сдачу объекта. Крупные начальники и влиятельные бизнесмены по очереди подходили к хозяину «Акрона» Виктору Семину, – высокому, слегка полноватому мужчине лет сорока пяти и тут же раскланивались со стоящей рядом Еленой. Compliments их, как правило, были однообразны: либо они восхищались красотой Елены Сергеевны, либо поздравляли с удачным архитектурным решением, потому что именно Елена была главным архитектором проекта.

Спустя час после начала веселья прибыл губернатор. Губернатор скинул на руки охраннику тяжелое кожаное пальто, взял предложенный ему стеклянный бокал на тонкой ножке и произнес несколько приветственных слов. Губернатор был так же неоригинален, как другие: он поздравил Семину и Елену, а потом высоко воздел бокал и сказал:

– За союз, так сказать, капитала и искусства!

И поцеловал Елену в щечку.

Стоявший рядом Семин слегка напрягся, под щеками его заходили крупные желваки, и он сразу сделался похожим на сыча – толстого и взъерошенного. Собственно, под этим прозвищем он и был известен среди бизнесменов – Сыч.

– Ну что ты, Виктор, – рассмеялся губернатор, – не будь таким собственником. Талант Елены Сергеевны – достояние, так сказать, всего народа.

Губернатор быстро напился, и вскоре был утащен в угол какими-то нефтяниками. В ресторане приглашенный квартет играл Брамса. Улыбчивые официантки разносили между гостей бокалы с шампанским, и тут же шныряли красивые девочки с подведенными глазами и немисливо тонкими талиями: девочек этих на всякий случай заказал Семин, но успехом они пока не пользовались.

Елена с невольной завистью следила за этими девочками глазами: они были очень хрупкие и такие ухоженные. Елена тоже была тоненькой, но, как и многие женщины, все время переживала, глядя в зеркало на свою талию, и считала себя ужасно толстой. И еще ей казалось, что эти девочки, наверное, не затрачивают ни малейших усилий, чтобы поддерживать себя в форме.

Елена затосковала и, допив бокал, спустилась на первый этаж. Он весь был занят садом. Когда-то, вначале, Елена была именно ландшафтным архитектором, и ей больше всего нравилось работать не с холодным камнем, а с живым растением. Здесь она развернулась в полную

силу. Ничто не стесняло ее – ни холодная сибирская зима, ни недостаток солнца (в неурочные часы сад освещали мощные галогенные лампы), ни даже сухой сибирский воздух. Большинство растений, собранных в саду, были средиземноморскими и предпочитали повышенную влажность, и эту проблему Елена решила с помощью небольшого фонтана: каменная кладка, шепоток струи и уходящий вдоль дорожки ручеек.

Сад обошелся очень дорого, вдвое дороже чем прикидывала Елена. Когда она показала его план Семину и тот увидел, что Елена будет сажать пяти-, шестилетние деревца, Семин безглаголиво поморщился:

– Это что ж, десять лет ждать, пока они вырастут?

И взрослые двадцатилетние деревья доставили из Италии на специально зафрахтованном рейсе. Но зато у людей, которые придут в это здание, не будет ощущения, что бизнес в России начался месяц назад и через месяц кончится.

Сначала Елене показалось, что в саду она одна, но, обогнув пышный, усыпанный желтыми цветами куст рододендрона, она увидела, что у фонтана сидит человек и смотрит на плавающих в нем разноцветных рыбок. Человек обернулся на стук каблучков Елены по мрамору и неторопливо встал. Человеку было лет тридцать пять, он был высок и худощав. Лицо его можно было бы назвать красивым, если бы не странное сочетание высокого лба мыслителя и твердого подбородка гангстера. У человека были грустные серые глаза и полные, изящно очерченные губы, и волосы его, по старой привычке, были коротко подстрижены. Немного прищурившись, Елена увидела, что человек не один – где-то за деревьями маячили две кожаных куртки.

– Сергей, – сказал человек, – Вырубов. Он улыбнулся, показывая белые искусственные зубы. Собственные зубы бывшему боксеру Вырубову выбили еще лет пятнадцать назад.

– Елена.

Она протянула руку, как обычно протягивала, чтобы поздороваться по-мужски. Вырубов на секунду удивленно замешкался, а потом пожал ей руку. Запястье у Вырубова было узким, а ладонь – широкой и холодной, словно он только что пришел с мороза. Их руки соединились на мгновение, и внезапно Елене захотелось вырвать свою.

– Красивый домик, – сказал Вырубов.

– Мне нравится. И бабки Витя срубил немаленькие.

– Правда? – удивилась Елена. – А я думала, вам нравится, когда пухлые ангелочки на стенах и букет в стиле бидермейер...

– Елена запнулась, сообразив, что слова «бидермейер» ее собеседник, скорее всего, не знает, и прибавила:

– Знаете, такой, пышным веником...

– Почему вы так думаете?

– Это вкус всех бандитов.

– Ну, какой же я бандит, – усмехнулся Вырубов, – черт-те знает что про меня в городе говорят...

Вырубов помолчал секунду, потом, прищурившись, взглянул вокруг.

– Красивый сад, – проговорил он, – как настоящий... Опа! Даже мыши есть!

– Где?

– Да вон же! – Цепкие пальцы Вырубова схватили Елену и развернули к одной из яблонь. Там, у ствола, сидела серенькая мышь-полевка. Видимо, ее так и привезли вместе с землей. Мышь слепо шурилась на людей и на фонтан, а потом опомнилась и. прыснула вдоль дорожки.

– О господи, – сказала Елена, – какая гадость! Она же все корни поест!

Хватка Вырубова мгновенно ослабла. В воздухе мелькнуло что-то серебристое. Мышь замерла у самого ствола яблони. Над ней раскачивалась наборная рукоятка брошенного ножа. Вырубов неторопливо шагнул с дорожки на землю, поднял нож и снял с лезвия нанизавшуюся на него мышь. Нож он сунул куда-то в рукав, а мышь бросил на землю.

– Надо же, – сказал Вырубов, – а она еще живая.
Мышь дергалась и смотрела на Елену черными бусинками глаз.
Елена поскорей отвернулась.

– У меня есть этот универмаг... в центре, – шевельнулся за спиной Вырубов. – Я его перестраиваю. Хотели бы заняться интерьером?

Елена понимала, что надо отказаться, но вместо этого кивнула.

– Заезжайте ко мне завтра в офис. Они договорились на два часа.

Елена и Семин вернулись домой поздно ночью, около двух. Квартира была двухуровневая и шикарная, тоже выстроенная фирмой, принадлежавшей Семину. Елена, собственно, и познакомилась с Семиным, когда тот приехал осматривать декорируемую под него квартиру.

...Вместе с Семиным была тогда какая-то длинноногая девица в белой шляпке с вуалью. Девица была младше Елены лет на семь. Девица хихикала и грызла орешки, несмотря на свою белую шляпку, а Семин посмотрел на Елену, которая ползала вдоль стен с рулеткой, и сказал:

– Детка, позови Елену Сергеевну.

Елена встала и представилась. В квартире было темно и уютно пахло домом, и охранники почтительно распрощались с ними у порога. Елена сразу ушла в свою ванную и там долго оттирала лицо от парадной косметики. Когда она пришла в спальню, Семин уже лежал в постели и рассеянно щелкал «ленивчиком», ловя припозднившиеся спутниковые каналы. Елена юркнула к нему под одеяло.

– Ты грустная, – сказал Семин. – Что случилось?

– Не знаю. Они все какие-то... одинаковые там были. И одинаково завистливые. Говорили глупые комплименты и думали:

«Вот стоит баба Семина, и поэтому она была главным архитектором. А моя баба сделала бы не хуже...»

– Глупости, – сказал Семин, – ты лучшая в крае. Я бы не заказал отделку своей квартиры никому, кроме самого лучшего художника по интерьерам.

Он засмеялся и начал целовать ее, все нежнее и настойчивей, как будто не было ни поздней ночи, ни длинного, отупляющего вечернего праздника.

Спустя час они еще не спали: Елена лежала, прижавшись к Семину, и круглая, как сыр, луна светила через кисейные занавеси спальни, освещая уголок старинной вазы и использованный презерватив, скинутый куда-то на ковер. Им было так хорошо, как только может быть хорошо двоим беззаветно влюбленным друг в друга людям.

– А как Вырубов попал на прием? – вдруг спросила Елена.

– Малюта? Офис, наверное, снял. У нас штуки три компаний, в которых он значится в членах совета директоров, я даже внимание обратил. А ты что, с ним знакома?

– Сегодня познакомилась. Он предложил мне заняться реконструкцией универмага.

– Какого?

– Наверное, центрального. У него же центральный универмаг? Мы договорились завтра на три часа.

– Тебе не стоило договариваться, не посоветовавшись со мной, – сказал Семин.

– Почему?

– Потому что теперь тебе придется отказаться от встречи.

– Я не откажусь, – сказала Елена.

– Почему?

– Потому что, если я буду переделывать универмаг Малюты, мне уж точно никто не скажет, что это твоя протекция...

– Дура, – равнодушно сказал Семин.

– Ты с ним когда-нибудь сталкивался?

Семин не ответил.

Уже ночью, когда Елена заснула, Семин долго ворочался с боку на бок, а потом нашарил халат и спустился вниз, в большую и темную кухню, освещенную белым законным светом от мерцающих во дворе фонарей.

Ты когда-нибудь с ним сталкивался?

Впервые Семин и Малюта столкнулись осенью 1989 года. Тогда у Семина был кооператив «Крепь». «Крепь» занималась тем, что по желанию жильцов навешивала общие двери в многоэтажных панельных домах. Еще она ставила домофоны и индивидуальные двери, но чаще всего заказы приходили на общие двери, ведущие в отсек, где находилось по пять-шесть квартир. Общие двери выходили жильцам дешевле частных. Семин уволился из университета, где он шесть лет преподавал экономику, и занимался только дверями.

У него было шесть рабочих и один партнер – Игорь Тахирмуратов, двадцатисемилетний преподаватель физики из того же университета.

За лето и осень Семин и Игорь хорошо заработали. Семин купил себе первую в жизни машину – синюю «девятку» и подумывал, куда вложить деньги.

18 октября 1989 года Семин вышел из панельной многоэтажки на северо-западе, где он в то время жил.

Когда Семин завернул за угол, он увидел, что возле его «девятки» стоит старенький «мере» вишневого цвета. На боках «мерса» пузырилась краска, и вообще Семин впервые видел «мере», который так походил бы на довоенный «Запорожец». В «мерее» сидели четверо. Семин прошел мимо них спокойным шагом, почему-то ожидая выстрела в спину.

За спиной хлопнула дверца.

– Виктор Иваныч?

Семин обернулся.

Ребята вышли из «мерса». Их действительно было четверо, и главный у них был парень лет двадцати пяти с бледным, очень красивым лицом и раскосыми никелированными глазами.

– Садись в машину, Виктор Иваныч, потолкуем.

– О чем нам толковать?

– Ты, говорят, много денег зарабатываешь?

Семин помолчал, потом сказал:

– На этот счет разные мнения. Кому много, а я так считаю, что мало.

– Если я говорю – много, это значит – много. И, говорят, не делишься ни с кем.

– Не правда.

– Если я говорю – правда, это значит – правда. Будешь делиться с нами.

– А если я уже делюсь?

– Тогда пусть те, с кем ты делишься, придут завтра к двенадцати к магазину на Брешковской. Если приедешь один, привезешь бабки.

Молодой человек усмехнулся одними губами и нырнул в теплое нутро «мерседеса». Машина сорвалась с места, обдав Семина бело-рыжим снегом из-под колес.

Забравшись в свою «девятку» и включив зажигание, Семин долго смотрел, как дворники ходят туда-сюда, очищая от свежеевыпавшего снега два выгнутых, словно брови, полукружия на стекле. Он думал, что никогда и никому не отдаст того, что он заработал.

Спустя четыре часа Семин, волнуясь и потев от страха, сидел в какой-то заплеванной кафешке с невысоким, сухощавым человеком – майором уголовного розыска Всеволодом Пращкевичем. На Пращкевича Семин вышел в результате осторожных, но отчаянных расспро-

сов. Встреча продолжалась от силы пятнадцать минут. Прашкевич равнодушно расспросил Семина о номере «мерседеса» и приметах ребят, отодвинул от себя маленький блокнот, в который ничего не записывал, и уточнил:

– Брешковская, в двенадцать?

Семин кивнул.

– Жаль. Времени мало. Но ничего, что-нибудь придумаем. Завтра на Брешковской не появляйся.

– А если человек говорит, что кому-то платит, а на самом деле он никому не платит, что с ним делают? – спросил Семин.

– По-разному По ушам бьют. Один парень, вчера сказали, привычку завел пальцы резать...

– Какой парень?

– Да я его не видел. Безбашенный какой-то. Зовут Малюта.

Но Семин все-таки появился на Брешковской. Он приехал на два часа раньше назначенного срока, запарковал «девятку» в пяти кварталах от мебельного магазина и осторожно пробрался на верхушку недостроенной семиэтажки, застывшей нелепым журавлем наискосок от места стрелки. Там он вынул из кармана бинокль, скособочился за рамой и стал ждать.

Вишневый «мерседес» приехал ровно в двенадцать. Даже издалека было видно, что это очень старая и очень потрепанная модель. Высокий парень с раскосыми глазами еще не успел вылезти из него, как к магазину подкатился белый и похожий на кусок рафинада «БМВ». Из «БМВ» высадился полный седоватый человек, по виду дагестанец или чечен, сунул руки в карманы и пошел навстречу людям из «мерседеса». В кильватере седоватого следовали три бритых викинга.

Разговор продолжался недолго – парень из «мерседеса» развел руками, словно извиняясь, седоватый сел в свою роскошную тачку и укатил.

Семин выбрался из недостроенной семиэтажки, не зная, что и думать. Он полагал, что майор Прашкевич будет брать бандитов со стрельбой и спецназом. Седовласый обитатель белоснежного «БМВ» походил на спецназовца не больше, чем Семин на голливудскую старлетку.

Спустя три часа они встретились с Прашкевичем на том же месте, в дешевой забегаловке. Прашкевич меланхолично курил одну сигарету за другой, стряхивая пепел в тарелку с нетронутыми разваренными сосисками.

– Думаю, что больше вас не тронут, – сказал Прашкевич.

– Вы их арестовали – рэкетиров?

– Нет, – голос мента был равнодушным и ровным, как асфальт на американском хайвее. – Их бы выпустили, а они бы вас убили. Просто есть люди, которые мне кое-что должны.

Семин кивнул и полез в карман за бумажником.

– Я вам очень обязан, – сказал Виктор, – вы не возражаете?

На стол лег пухлый белый конверт. Из конверта, как комбинашка из-под слишком короткой юбки, выглядывал зеленый корешок доллара.

– Возражаю, – сказал Прашкевич, – убери деньги, спекулянт.

Поднялся и пошел к выходу.

Тогда Семин еще не знал всех значений слова «спекулянт», и он решил, что милиционер назвал его так по старой советской привычке. Только впоследствии Семин понял, что Прашкевич употребил это слово безо всякого осуждения, в том значении, в котором его использовали

воры, для которых весь мир делился на «воров», живших по закону, «бандитов», живших по понятиям, и «спекулянтов», занимавшихся бизнесом.

Прашкевич позвонил Семину спустя неделю.

– Надо встретиться, – сказал майор. На этот раз местом встречи оказался городской парк, с запущенными дорожками, усыпанными желтой листвой вперемешку с первым снегом, и покосившимися плакатами в честь XXVII съезда КПСС. Мент, скорчившись, сидел на скамейке возле пустой детской площадки и курил сигареты одну за другой. Семин не ждал от этой встречи ничего хорошего. Ему не нравилось, что опер не взял денег.

– Я тут покопался в твоём случае, – сказал мент, – и думаю, тебе не мешало бы это знать.

«Начинается», – подумал Семин. Он не знал еще, что именно начинается, но понимал, что это что-то нехорошее. Не зря опер не взял денег.

– Парень, который из «мерседеса», – его зовут Сергей Вырубов. Погоняло Малюта. Погоняло вполне соответствует характеру. Не судим, не пьет, не курит. Бывший спортсмен. Когда ему было шесть лет, мать умерла по пьянке. Отец был в колонии. Его взяла к себе тетка, очень приличная женщина, доцент Нарымского университета. Он так и рос в семье тетки вместе с ее сыном. Сына звали Игорь. Игорь Тахирмуратов.

Слова отдались тупой болью где-то в низу живота.

– Вы что хотите сказать, – спросил после некоторого молчания Семин, – что мой партнер навел на меня своего двоюродного брата?

– Просто считаю, что вам следует знать эту информацию, – ответил майор.

Поднялся, чтобы уйти, щелчком сбросил сигарету в детскую песочницу.

– Можно еще вопрос? – задержал его Семин.

– Да.

– Кто в нашем городе ездит на белом «БМВ»? Новом?

Мент внимательно оглядел коммерсанта.

– Вор в законе по кличке Дорофей, – ответил он. – Смотрящий над краем.

Игорь Тахирмуратов прилетел с омским рейсом следующим утром. Ночью внезапно ударил отчаянный тридцатиградусный мороз, и новенькая «девятка» Семина никак не хотела заводиться, когда он поехал в аэропорт встречать Игоря.

Это сейчас казалось смешным, чтобы Семин ездил встречать в аэропорт кого-то, кроме, допустим, премьера. А тогда он должен был ехать сам, на «девятке», и ему пришлось два раза спускаться и подниматься на самый верх девятиэтажки за сменным аккумулятором.

Тахирмуратов был двадцатисемилетний смешливый толстячок, пухлый, как пряник, и веселый, как канарейка. Кроме звания доцента, полученного полтора года назад, он имел два ценных преимущества: он был секретарем комитета комсомола университета и зятем директора Яснобогучанского трубного завода.

Яснобогучанский завод производил трубы для нефтяной промышленности, и благодаря этому обстоятельству партнеры надеялись потихоньку влезть в нефтяной бизнес. Семин и Тахирмуратов поставляли бы трубы на нефтеперерабатывающий завод, тот бы расплачивался

трубами за нефть, а нефть Семин и Тахирмуратов собирались продавать на АЗС, которые они благодаря связям Семина взяли бы в аренду у «Нарымнефтепродукта».

Тахирмуратов был доволен поездкой: он порешал все проблемы на НПЗ и даже договорился о времени поставки первой бочки.

– А как у тебя дела? – спросил наконец Тахирмуратов.

– На меня наезжали, – сказал Семин.

– Господи? Кто?

– Бандиты. Главного зовут – Сергей Вырубов.

Игорь вздрогнул.

– А как он выглядит, этот... Вырубов?

– Ты знаешь, как он выглядит, лучше меня. В милиции считают, что это ты его навел на фирму. Знаешь, что он делает, чтобы запугать коммерсанта? Он режет ему палец.

– Я не виделся с Сережей восемь лет, – сказал Игорь. – И я не знаю, как он выглядит.

1997 год. Декабрь

Елена подъехала к служебному входу в универмаг в два часа. Охранник с омовскими нашивками отставил в сторону автомат, поелозил пальцем по толстому затрепанному гроссбуху, насупился и сказал:

– Вас в списках нет.

Елена пожала плечами и повернулась, чтобы уйти. Охранник, зажав трубку между плечом и пятнистым беретом, крутил диск телефона.

Елена вышла из универмага и стала копаться в сумке, ища ключи. Она уже садилась в машину, когда охранник вылетел из дверей.

– Извините, Елена Сергеевна, – сказал он, – Сергею Павловичу позвонили и сказали, что вы не придете. Но он здесь и просит вас подняться.

Одна из секций универмага, на третьем этаже, была отдана под небольшой, но отлично оборудованный спортзал: именно туда-то и провели Елену.

Вырубов, в старых тренировочных штанах, лежал навзничь на тренажере и выжимал штангу со сверкающей пирамидкой стальных дисков на обоих концах. Над Вырубовым стоял телохранитель, ловя движения босса и готовясь подхватить штангу, когда тот устанет или, не дай бог, уронит ее.

Малюта пожал штангу раз десять, телохранитель подхватил ее и осторожно закрепил на специальных бороздках, предусмотренных в тренажере. Вырубов вскочил с места и подошел поближе.

– Извини, что в таком виде, – сказал Вырубов, – мне сказали, ты не придешь.

Он слегка переминался с ноги на ногу, как крадущаяся рысь, и косился на тренажеры, как мальчишка косится на лоток с мороженым. Он был без майки, в одних чистых холщовых штанах, и Елене невольно бросилась в глаза чеканная мускулатура Малюты. Руки и грудь у Малюты были покрыты ровным загаром и почти совершенно лишены волос – крайне нехарактерная черта для европейца. Уже потом Елена вспомнила, что полукровка Игорь Тахирмуратов – двоюродный брат Малюты. Малюта стоял довольно близко, чуть ближе, чем обычно водится между интеллигентными людьми, и Елена учуяла дразнящий запах свежего пота.

– Ничего, если я закончу тренировку? – спросил Малюта.

– Ничего, – сказала Елена. – А сколько в этой штанге килограмм?

– Сто пятьдесят, – ответил Вырубов. Прищурился и осведомился:

– А Семин сколько вытягивает?

– Семин со штангой – это такое же невероятное зрелище, как вы с томиком Иммануила Канта, – ответила Елена. Вырубов засмеялся и, отойдя к середине зала, легко сел в поперечный шпагат. Елена ждала еще минут двадцать, сидя на стульчике в углу. В спортзал зашло еще несколько человек, и среди них красивый двадцатилетний парень со свернутым на сторону носом. Вырубов остался разминаться на тренажерах, а один из его друзей принял боксерскую стойку и начал драться с парнем.

Елена встала и пошла бродить по универмагу. Она не любила драк.

Принадлежавший Вырубову универмаг в центре города был одним из самых странных и, в общем-то, безобразных зданий Нарыма. Его задумал в конце двадцатых годов знаменитый российский архитектор-конструктивист Фатеев. Косая пирамида из стекла и стали, по замыслу архитектора, должна была стать новейшим социалистическим дворцом, в котором работали, жили и творили будущие партийные руководители края. Стеклопанельные кабинеты должны были подчеркивать прозрачность и доступность рабоче-крестьянской власти; в другой половине пирамиды располагались крошечные жилые комнатки и огромные столовые и спортзалы. Предполагалось, что партийное руководство не будет тратить время на единоличное приготовление пищи, и кухни в квартирах отсутствовали начисто. Лестниц в здании не было: вместо них были широкие пандусы. На самом вершине здания располагалась личная вилла секретаря крайкома, к которой тот подъезжал на большом черном авто.

Секретарь крайкома прожил в своей вилле полтора месяца, после чего в один прекрасный день к самым дверям его пентхауса подъехала черная машина, но не с личным шофером, а с чекистами. Секретаря увезли, а спустя неделю забрали за чем-то и архитектора. Здание в центре города долго мокло под снегом, а потом его отдали под дом быта и универмаг. Все четыре входа украсили безобразными стеклянными дверьми, на этажах грубо исказили первоначальную планировку. Центральную галерею, пронизывавшую дом и отделявшую жилые помещения от служебных, выложили цветным с прожилками мрамором и украсили на всякий случай статуей вождя мирового пролетариата Лениным.

Последний раз Елена была в этом универмаге лет пятнадцать назад. Тогда вдоль прилавков слонялись сонные продавщицы, а в отделах продавались стопки льняного белья производства Нарымской ткацкой фабрики и дорогие индийские вазы. Сейчас универмаг представлял собой нечто среднее между торговым центром и блошиным рынком. Вокруг статуи Ленина обосновались мясные и фруктовые ряды.

Малюта нагнал Елену на первом этаже: она стояла, прислонившись к колонне, и не без иронии смотрела вверх, на стеклянную дверь салона, где продавались «мерседесы». Прямо у двери начинался прилавок с китайскими резиновыми тапочками.

– Осторожней, – сказал Малюта, – а то сумку порежут.

От Малюты теперь пахло дешевым мужским одеколоном; он был в черных брюках и черной рубашке, а сверху накинул какой-то серый пиджак.

Справа от Ленина был установлен здоровенный аквариум. Вокруг аквариума толпился народ, но Вырубов как-то удивительно легко прошел сквозь толпу, как нож сквозь масло, и через мгновение Елена оказалась около аквариума.

Рыбки, плававшие в аквариуме, были какие-то мелкие и невзрачные.

– Пираньи, – сказал Сергей.

Елена с интересом посмотрела на рыбок.

– А чем их кормят? – спросила она.

– Курами. Живыми курами. По две куры на рынке каждый день покупают. Ты думаешь, чего толпа-то стоит?

Елену слегка передернуло.

– А куры... с перьями? – спросила она почему-то.

– Перья потом убирают, – пояснил Сергей. – Как же с нее с живой перья можно драть?

Вырубов посмотрел на часы.

– Как раз через десять минут кормежка. Посмотришь?

Елена покачала головой.

Спустя десять минут Вырубов и Елена как раз шли по второму этажу. Вырубов услышал истошный куричий крик и подошел к балюстраде. Один из петухов, предназначенных к кормежке, каким-то чудом вырвался из рук охранников и теперь летал над собравшейся на зрелище толпой. Толпа хохотала и норовила петуха словить, а Вырубов в полном восторге влупил кулаком по балюстраде и заорал:

– Лови его, б...! Врешь, фраер, не уйдешь!

Они все-таки пообедали вместе в небольшом ресторанчике, расположенном тут же, в здании универмага. Ресторан назывался «Оранжевая» и действительно утопал в зелени: у него были большие, во всю стену, окна, и стеклянный купол вместо крыши. Столики стояли между пальм и мандариновых деревьев со сморщенными зелеными плодами.

Это был знаменитый ресторан: полтора года назад, когда Вырубов завтракал в нем с каким-то бизнесменом, по ресторану стреляли из гранатомета. Стекла в окнах были пуленепробиваемые, но на гранатомет они не были рассчитаны. Бизнесмен был убит на месте, и пострадало несколько людей Вырубова, сидевших за соседним столом. После этого в городе началась война. К Елене и Сергею подошел полный, улыбочивый официант и принял заказ. Елена попросила салат и суп, а Вырубов – только водичку со льдом.

– Есть после тренировки не хочется, – объяснил он. Подумал и прибавил:

– Видела парня, с которым пацаны дрались? Миша Стариков. Между прочим, призер чемпионата Европы. Мой воспитанник. Третья спортивная школа.

– И много вы на него потратили?

– Мы на спорт много тратим, – серьезно сказал Вырубов, – надо помогать детям. Я везде говорю – пусть лучше занимаются спортом, чем пьют водку. Слыхала?

– Слыхала, что вы выращиваете новую смену бандитов, – ответила Елена.

– Про меня много всяких глупостей рассказывают, – спокойно сказал Вырубов. – Разве я похож на бандита?

Елена промолчала. Самое удивительное, что Вырубов был действительно непохож на бандита, – такого, каким его рисуют бульварные книжки и фильмы.

– Так как тебе универмаг? – спросил Малюта.

– Честно говоря, если из него убрать китайские тапочки и оставить одни «мерседесы», это может быть потрясающе, – проговорила Елена. – Кстати, я не понимаю, почему Виктор не покупает машины здесь.

Малюта расхохотался, как школьник, попавший в окно из рогатки.

– Они же все паленые, – сказал Малюта.

Елена забрала с собой строительную документацию и договорилась встретиться с Вырубовым через неделю. В следующий четверг Вырубов заехал к ней в офис посмотреть наброски, глянул и сказал:

– О! Класс! То, что надо.

Но Вырубов куда-то торопился, и у него не было времени договориться по срокам и по деньгам, и он предложил пообедать завтра в два. Елена сказала, что согласна. Ей льстило внимание Малюты. Он чем-то походил на ее мужа.

Эта история случилась, когда Елена уже кончала отделывать семинскую квартиру. Там не хватало только каких-то мелочей, тяжелых бархатных портьер да позолоченных кранов в ванной. С кранами случился перебой, их везли из самой Москвы и привезли вечерним рейсом, и Елена со своим финансовым директором, Мишей Гуцевым, отправляясь из офиса домой, завезли краны в квартиру, чтобы рабочие с утра все сделали.

Когда они повернули в двери ключ, они увидели, что в пустой прихожей горит свет. Елена поняла, что она не одна в квартире. Она решила, что это Семин, но это оказался не Семин: в гостиной, поджав тонкие ножки, сидела красивая девушка лет восемнадцати. Это была другая девушка, не та, которую она видела с Семиным в прошлый раз. Девушка была золотоволосая и зеленоглазая.

Квартира была абсолютно пуста: в ней не было ни книг, ни телефона, ни холодильника с едой, ни даже воды.

– Вы что здесь делаете? – удивленно спросила Елена.

– А Виктор Иванович оставил меня утром здесь, – сказала девушка, – сказал, чтобы я посмотрела квартиру, а он вернется через часок.

Елена поджала губы и вышла в соседнюю комнату. Там она набрала на сотовом прямой номер Семина. Тот оказался в офисе – через сильную мембрану Елене было слышно, как Семин спорит с партнерами.

– Виктор Иванович, – сказала Елена, – вы тут девушку в квартире забыли. Здесь, между прочим, даже воды нет.

– О, черт! Действительно, – сказал Семин, – погодите секунду.

Он положил трубку, и Елене опять стало слышно, как он кричит на партнеров. Через минуту Семин снова подхватил телефон.

– Елена Сергеевна, скажите Вике, чтобы она ехала домой, – сказал Семин.

– Куда домой? – уточнила машинально Елена.

– В Самару. Она из Самары, пусть туда и возвращается. Она мне надоела.

Елена увезла наброски интерьеров к себе домой, и, когда Семин вернулся с переговоров в одиннадцать вечера, она еще сидела над ними. Семин спустился в мастерскую, и они поцеловались, а потом Семин принялся разглядывать чертежи.

– Красиво, – сказал Семин. – Это что, центральный универмаг?

– Да.

– Мне не нравится, что ты встречаешься с Вырубовым.

Елена пожала плечами.

– Ты играешь... – Семин задумался, ища подходящее слово... – с гексогеном.

– Он что, такой страшный?

– Да.

– А он правда убил Кривицкого?

– Он очень многих убил. Он убил Кривицкого и Шанина. Он убил Лашкевича. И был такой человек по кличке Дорофей, он его тоже убил. Он убивает, как ты ешь витамины: без удовольствия и без малейших колебаний.

Елена вспомнила несчастного петуха, предназначенного для пираций, и азартный крик Вырубова: «Врешь, мля! Не уйдешь!»

– Я встречаюсь с ним завтра, – сказала Елена.

Семин рассматривал наброски.

- Тебе придется отказаться от работы.
 - Но почему?
 - Лена, жена Виктора Семина не может реконструировать вырубовский универмаг.
 - Но я не твоя жена.
- Семин засмеялся и принялся целовать ее.
- Ну, так давай поженимся, – сказал он.

1994 год. Осень

Осенью 1994 года Тахирмуратов и Семин решили купить Гагаринский золотой рудник. До этого самым крупным их бизнесом была торговля бензином. Они хорошо поднялись, арендовав десять автозаправок у «Нарымнефтепродукта», поставили семь контейнерных АЗС и через год заменили их стационарными заправками, но промышленной собственности у них не было. Гагаринский был не такой уж большой рудничок в трехстах километрах от города, в тайге, с прогнозными запасами в сорок тонн золота и неглубоким залеганием рудного тела. Документы на рудничок Семин выменял на бутылку водки в «Нарымгеологоразведке».

Чиновника, который продавал рудник, звали Нарышкин, а все переговоры вел его заместитель Гурза. Нарышкин и Гурза были готовы продать рудник почти даром, но при этом они хотели, чтобы половина рудника принадлежала им.

Игорь Тахирмуратов был категорически против такой сделки.

– Смотри, что получается, – говорил Тахирмуратов, – мы будем вкладывать в рудник деньги, да? И вкалывать мы будем, как проклятые. А половина доходов пойдет Нарышкину. Давай лучше заплатим ему побольше денег сейчас, но затем все будет принадлежать нам.

– Не бойся, – сказал Семин, – мы им ничего не заплатим. И доли они тоже не получат. Делай как я скажу.

На следующий день Семин отобедал в ресторане с Всеволодом Прашкевичем: так, просто для поддержания дружбы. Прашкевич теперь был замначальника краевого УВД. Он дружил с Семиным и время от времени оказывал ему разные дружеские любезности, но взяток или того, что могло быть сочтено взяткой, ни разу от Семина не брал.

Когда в прошлом году одну из заправок Семина забросали гранатами, он быстро нашел тех, кто это сделал, и все они получили срок.

Семин спросил у Прашкевича, как его жена, и тот ответил:

- Хорошо. Через два месяца родит.
- Это у тебя третий будет? – спросил Семин.
- Да.
- Не тесно вам будет впятером-то в двухкомнатной?
- Тесно, – сказал Прашкевич, – а что поделаешь?
- Я дом на Палашевской набережной строю, – сказал Семин. – Улучшенная планировка.

Может моя фирма вашему управлению несколько квартир выделить?

Прашкевич долго думал.

– Нет, – равнодушно и окончательно сказал он.

– Всеволод Михайлович, – сказал Семин. – Это не взятка. Я обязан вам своим бизнесом. А может быть, и жизнью. Это... не имеет цены. Это стоит гораздо дороже новой квартиры.

Прашкевич равнодушно кивнул.

– Всеволод, пойми. Я чувствую себя... неудобно. Ты никогда ничего не брал у меня...

– Я никогда ни у кого ничего не беру, Виктор Иванович. Я не беру ни у коммерсантов, ни у бандитов, ни у подследственных. Видите ли, когда я беру деньги, это означает, что вы рас-

платились за оказанную вам услугу согласно прейскуранту. Как в парикмахерской. А я предпочитаю, чтобы вы мне были должны.

Инвестиционный конкурс на Гагаринский золотой рудник был назначен на январь 1995 года. До конкурса оставалось пять недель. Все документы уже были подписаны, все позиции сверены, и все фирмы, изъявившие желание участвовать в конкурсе, уже подали заявки. Всего фирм оказалось четыре штуки: две представляли Семина и Тахирмуратова, еще одна – какого-то местного железнодорожника, видимо, не понимавшего, что результаты тендера предопределены, и еще в последний день принесли заявку от некоего неведомого АОЗТ «Синельга».

Нарышкин и Гурза потихоньку вскрыли заявки (разумеется, это было строжайше запрещено условиями конкурса), и оказалось, что «Синельга» предлагает сумму инвестиций несколько большую, чем Семин и Тахирмуратов, – семь миллионов долларов, а не три. Тогда Семин передал им новую заявку, в которой была указана сумма в восемь миллионов долларов.

Нарышкин и Гурза заменили старую заявку Семина новой и на всякий случай объявили, что заявка от «Синельги» не будет участвовать в тендере, потому что она оформлена не по правилам. Нарышкин и Гурза очень старались за причитающиеся им пятьдесят процентов рудника.

Семнадцатого декабря был пятый год, как Семин ушел из университета, и в ознаменование этой годовщины Семину пригнали из Германии черный «БМВ», почти новый, изящный, как китайская ваза, и с большими фарами, похожими формой на лист яблони.

На этом-то новом «БМВ» Семин и приехал в ресторан «Гамбит».

Семин вошел в ресторан, необыкновенно довольный собой. За пять лет он проделал немалый путь – от обыкновенного кооператора, зарабатывающего на жизнь собственными руками, до президента крупной компании. Десятки нарымчан, начинавших так же, как он, остались при своих фирмочках из трех человек и частных гаражах с автосервисом, сотни – разорились.

Семин отдавал себе отчет в том, что своим прозябанием многие из бывших кооператоров обязаны бандитской крыше, а он, Семин, соответственно, обязан процветанием майору милиции Прашкевичу. Или, точнее, так – он бы никогда не пошел под крышу. Но если бы не майор, то его, скорее всего, убили бы.

Тахирмуратов ждал его за накрытым столиком: на белоснежных тарелках с синей каймой уже были разложены пестрые закуски: нежная красная рыба, оттененная зеленью и лимоном, черная икра с желтыми розочками масла, горка устриц и ослепительно сверкающая в высоких стаканах газированная вода.

Широкие окна ресторана выходили на набережную: за окном валил снег, река уходила куда-то вдаль сплошной белой змеей, и прямо перед окнами семинский водитель заботливо счищал снег с его нового «БМВ». Рядом с «БМВ» стоял большой черный «лендкрузер», с белозубым оскалом решетки и тоже с водителем. Семин внезапно вспомнил о наглом рэкетиере с его дряхлым «мерседесом». Интересно, что с ним? Так и ходит в тренировочных штанах?

Потом чей-то силуэт загородил Семину вид на «БМВ», Семин поднял глаза и поперхнулся. Перед ним стоял Малюта. Он был в дорогой кожаной куртке и темной рубашке без галстука.

– Привет, Виктор Иванович, привет, Игорек, – сказал Малюта, – как дела?

И бесцеремонно плюхнулся за стол рядом с партнерами.

– Нормально, – сухо ответил Тахирмуратов.

– Вы, говорят, Гагаринский прииск собрались покупать?

Семин пожал плечами и сказал:

– Врут.

– А-а... хорошо, если врут.

– Почему?

– Потому что я его тоже хочу купить, – с усмешкой объяснил Малюта, – и ни с кем тягаться не намерен. Прииск – это не мисс Нарым, чтобы ради него конкурс устраивать...

Семин ощутил в глубине души звенящую злобу. Это было несправедливо. Это он, Виктор Семин, нашел месторождение. Он просчитал его рентабельность. Он организовал конкурс. Он составлял чиновникам документы. И сейчас на все готовое приходил обыкновенный бандит и разевал рот на его кусок.

– «Синельга» – это твоя контора? – спросил Семин.

– Допустим.

– Ну, так эта твоя контора получит шиш с маслом.

Малюта резко встал. Его красивое гладкое лицо вдруг жутко оскалилось.

– Я тебя выхарю, козел, – сказал он и покинул ресторан.

Через несколько секунд Семин увидел, как хлопнула дверца черного «лендкрузера» с тонированными стеклами, и тачка Малюты сорвалась с места, обдав новенький «БМВ» Семина фонтаном рыжего снега.

Малюта не соврал, говоря, что он всерьез намерен заняться Гагаринским прииском. На следующий день после того, как Нарышкин и Гурза вычеркнули «Синельгу» из списка фирм, участвовавших в конкурсе, в окно семинского офиса влетела граната.

Семин проконсультировался с Прашкевичем и по его совету стал ходить с удвоенной охраной, а Тахирмуратов отправил свою семью из города.

А еще спустя два дня Нарышкин и Гурза позвали Игоря Тахирмуратова на разговор. Оба чиновника были бледны: накануне вечером к ним зашел человек от Малюты. Во-первых, это был очень большой человек, хорошо известный в городе. Бывший первый секретарь крайкома. Во-вторых, после его ухода им звонили уже непосредственно братки.

Как выяснилось, фирма, которую принимали за железнодорожную, тоже на самом деле принадлежала Малюте, и пришедший к Нарышкину бывший первый секретарь крайкома посоветовал присудить победу именно этой фирме.

– Мы не можем рисковать своей головой, – сказали Нарышкин и Гурза.

– Вы рискуете не задаром, – ответил Тахирмуратов, – а за половину доли.

– Малюта тоже предлагает нам половину, – ответил Нарышкин, – поэтому мы хотим шестьдесят процентов.

Тахирмуратов понимал, что это, скорее всего, шантаж, и что никакой доли бандит чиновникам не предлагает. Но такой поворот разговора был обговорен между ним и Семиным.

– Хорошо, – сказал Тахирмуратов. Когда партнер Семина Игорь Тахирмуратов вышел из здания краевой администрации, он увидел, что перед зданием стоит черный «лендкрузер», и у раскрытой его дверцы курит высокий человек в кожаной куртке и с гладким мальчишеским лицом. При виде Игоря человек бросил сигарету в снег и шагнул ему навстречу:

– Сядь в машину.

Охранники Игоря сунули руки под куртки, и двое пацанов, бывших с Вырубовым, сделали то же самое.

– Не валяй дурака, Игорь, – сказал Малюта. – Я у всех на глазах людей не краду.

Игорь поколебался и сел на заднее сиденье «лендкрузера». Малюта, запрыгнул следом.

– Ну, здравствуй, брат, – сказал Малюта. Игорь помолчал.

– Чего ты хочешь?

Малюта рассмеялся, весело и заразительно, так же, как он обычно смеялся в детстве.

– На фиг ты ишачишь на этого Семина? Ты уезжаешь из офиса в одиннадцать вечера, а как что, так «Семин», «Семин», «Семин в „Акроне“ главный»... У тебя в «Акроне» какая доля?

– Не твое дело.

– Приходи ко мне. Будешь заведовать всем. Я ваще не буду вмешиваться. Только обеспечу защиту.

Игорь долго молчал. Потом сказал:

– Приезжай сегодня в девять в «Глобус». Там и поговорим.

Вылез из «лендкрузера» и хлопнул дверцей.

Когда в девять вечера Малюта приехал в «Глобус», он увидел, что столик для Игоря уже заказан, и что Игорь сидит за столиком не один: вместе с ним были Семин и еще один мужик.

Малюта остановился у входа в отдельный кабинет и насмешливо оскалил зубы, а Игорь встал и представил третьего:

– Ты не знаком, Сережа? – спросил он. – Это Всеволод Прашкевич, замначальника краевого УВД.

Малюта по-прежнему стоял у входа, гибкий и смертоносный, как готовая к нападению кобра.

– Да вы садитесь, Сергей Павлович, – сказал Семин.

– Я с пидорами и с мусорами за один стол не сажусь, – ответил Малюта.

Прашкевич безразлично пожевал губами.

– Я вас всех сюда позвал, – продолжал Семин, – чтобы обсудить ситуацию с Гагаринским прииском. Это ненормальная ситуация, когда моего юриста избили обрезком трубы. Парень только из университета, а ему руку сломали.

– Пусть твой Прашкевич отзовет своих шавок, тогда и юристов перестанут трогать. У меня из двоих, когда принимали, котлету сделали, – отозвался Малюта.

Взялся за единственный свободный стул, демонстративно отодвинул его в угол, подальше от столика, и сел. В полном молчании Игорь налил себе стакан минералки, выпил, вытер усы и спокойно сказал:

– Сережа, тут есть такая проблема. Ты помнишь, как ты жил у нас в семье?

– Что было давно, то было давно.

– Сергей несколько лет жил у нас, – объяснил Игорь, – он был на год меня старше, и он меня защищал. А так как я был дохляк, ему приходилось часто меня защищать.

Вырубов улыбался.

– До того, как он поселился у нас, я просто боялся выходить во двор. У нас во дворе была компания, человек пять мальчишек и еще один парень, Петя Грушев, уже взрослый, отсидевший два года, они мне проходу не давали. А Сережка стал предводителем этих мальчишек, и больше меня не трогали.

– А Грушев? – спросил Семин.

– Мне повезло. Его вскоре убили. Он шел домой пьяный, его ограбили и убили. – Игорь помолчал. – Я видел, кто это сделал. Это сделал ты, Сережа. Ты впервые убил человека в четырнадцать лет.

Сергей пожал плечами.

– Игорец, ты не перепил, часом? Что ж ты молчал столько времени?

– Я не перепил. Ты сделал это ради меня. Чтобы Грушев меня не трогал. Игорь внимательно глядел в глаза своему двоюродному брату. – Ты не будешь участвовать в конкурсе, Сергей, – спокойно сказал он. – Иначе я напишу заявление майору Прашкевичу, что ты убил Грушева. Это дело еще не закрыто. Убийца не найден.

Малюта натянуто рассмеялся.

– У вас ничего не срastется, ребята.

– Не думаю, – сказал Тахирмуратов. – Ты же больше никогда не убиваешь сам, Малюта. Ты поручаешь это другим, и очень трудно доказать, что это твоих рук дело. Я думаю, что убийство Грушева – это один из немногих случаев, когда ты сделал все сам.

– Малюта, этой заявы будет достаточно, чтобы ты посидел пару дней в изоляторе, – сказал Прашкевич. – Ты же сам сказал, что с твоими людьми в изоляторах случаются неприятности. И ты знаешь, что эти неприятности вовсе не из-за милиционеров, а из-за того, что тебя очень не любят воры. Так?

Вырубов встал, с грохотом отодвигая стул.

– А и срань же ты, Игорек, – задумчиво сказал бандит;

Через мгновение за ним хлопнула выходная дверь.

– Он действительно замочил этого... Грушева? – спросил Прашкевич.

– Я же сказал, майор. Если к нам в окна будут продолжать залетать гранаты, я напишу заявление. – Игорь помолчал и добавил:

– По-моему, он не хотел его убивать. Он хотел перебить ему ноги, чтобы тот стал калекой. Но Грушев потерял слишком много крови и замерз.

– А если бы он этого не сделал?

– Грушев искалечил бы меня, – ответил Игорь – рано или поздно. Или убил бы.

К некоторому удивлению Семина, угроза Игоря возымела свое действие: наезды на «Акрон» прекратились совершенно, и «Акрон» беспрепятственно выиграл тендер по Гагаринскому руднику. Разумеется, формально рудник получила подставная фирма. Называлась фирма «Гея».

Спустя два месяца после выигрыша конкурса Семин встретился в ресторане с Прашкевичем.

– У меня есть проблема, – сказал Семин.

– Ну.

– Ты помнишь мою фирму «Гея», которая выиграла тендер на Гагаринский прииск?

Прашкевич коротко улыбнулся: мол, еще бы не помнить.

– Конкурс устраивали два чиновника, Нарышкин и Гурза, – сказал Семин, – и из-за этой ситуации с бандитами они буквально вывернули нам руки. Представляешь, получилось так, что деньги за прииск заплатил я, а контрольный пакет получили они. Допустим, я был бы еще согласен работать на таких условиях, но эти два долбоеба вообще сошли с ума! Они не дают мне строить, они не дают мне инвестировать, вообще ничего! Они требуют половину от всех денег, которые я хочу туда вложить.

Семин досадливо поморщился.

– Да что половину! Ты представляешь, я привез рабочим мешок с зарплатой, а Нарышкин узнал об этом и вызывает меня: «Я, – говорит, – пайщик? Пайщик. Значит, когда ты зарплату платишь всяким бомзам, шестьдесят процентов мои».

И Семин в возмущении всплеснул руками.

- Круто, – сказал Прашкевич. – А как Нарышкин с Гурзой присутствуют в фирме?
- Они владеют тридцатью процентами «Геи». Каждый.
- Прашкевич приподнял брови.
- Что, так и записано в уставных документах?
- Да. Так и записано в уставных документах. Ты понимаешь, я все думаю об этой ситуации – это просто кошмар. Я не могу работать. Я не могу развивать производство. Я уже вложил в этот рудник семьсот тысяч долларов, а теперь с каждого вложенного рубля они требуют шестьдесят копеек. «Иначе, – говорят, – мы продадим свой пакет Малюте!»
- Чем я могу помочь? – сказал Прашкевич.
- Организуй звонок из Москвы.
- Какой?
- От проверяющих органов: мол, поступил сигнал о коррупции и о том, что такие-то чиновники владеют акциями рудника. Непосредственно. Они испугаются скандала и продадут акции. Ты пойми, я же честно готов заплатить им деньги, но я не могу с ними работать! Я за рабочих несу ответственность!
- Я организую звонок, – сказал Прашкевич.

Нарышкин и Гурза прибежали в «Акрон» спустя три дня с вытаращенными глазами. Им позвонили из Москвы, из ФСБ, и сказали, что в апреле в край прибывает инспекция. Проверять будут чистоту нравов при приватизации и поинтересовались, мол, правда ли, что члены конкурсной комиссии по Гагаринскому прииску – Нарышкин и Гурза, и владельцы контрольного пакета выигравшей фирмы тоже Нарышкин и Гурза. А?

– Ребята, – сказал Семин, – я же предлагал вам, чтобы все было на доверии. А вы захотели, чтобы ваша доля была оформлена на бумаге. Это, наверное, вам Малюта мстит.

Нарышкин и Гурза переглянулись и сказали:

– Мы бы хотели продать свои доли.

– Но у меня нет столько денег, чтобы выкупить вас целиком, – резонно заметил Семин.

Тогда они договорились, что Семин сейчас якобы выкупит долю Нарышкина и Гурзы за двадцать тысяч долларов, а на самом деле они останутся пайщиками в месторождении, каждый по двадцать пять процентов.

Комиссия приехала и ничего особо не нашла, но Нарышкина и Гурзу из администрации все-таки уволили. Они снова пришли к Семину просить свою долю, и Семин сказал им:

– Какие двадцать пять процентов? Вот тут в договоре записано, что вы продали мне все. Или мне в ФСБ этот договор переслать?

Нарышкин уехал в Челябинск работать в какую-то мелкую фирму, а Гурза потом спился.

Спустя три месяца подставная фирма, принадлежавшая Сергею Вырубову по кличке Малюта, выиграла тендер на разработку Верхнеикшинского прииска. Никаких чиновников она в долю не брала: просто накануне тендера у нового начальника фонда имущества пропала дочка, а сразу после тендера дочка нашлась.

1998 год. Зима

Когда Елена на следующий день подъехала к офису Вырубова, оказалось, что о приезде ее уже оповещены. Едва она вылезла из машины, как за плечом ее оказался похожий на тролля охранник в кожаной куртке.

– Сергей Иванович сейчас спустится, – сказал он, – подождете в машине или подниметесь наверх?

Елена скосила глаза, и увидела, что из ворот высовывается рыло вырубовского «мерседеса», а чуть поодаль стоит машина сопровождения. Она зябко переступила по снегу, но в эту секунду дверь офиса отворилась, и по крыльцу сбежал Вырубов – легкий и смертоносный, как кобра, в черном длинном плаще.

– Прошу, – сказал Вырубов.

Елена села в «мерседес». Вырубов запрыгнул в него с другой стороны, и машина сорвалась с места, обдав охранников у двери офиса щедрым фонтаном снежной каши.

Елена, по чисто профессиональным причинам, знала все рестораны в городе, половину из них отделявала либо она, либо ее хорошие знакомые. И когда машина свернула с Кропоткинской на ведущее к аэропорту шоссе, она настороженно спросила:

– Куда мы?

Вырубов удивленно вскинул брови.

– Пообедать, – сказал он, – да помилуйте, Елена Сергеевна, я вас не украду.

– А вы много людей крали?

– Не понял.

– Ну... неплательщиков там всяких... или еще как...

Вырубов расхохотался.

– Грехи молодости, – сказал он, – мало ли когда что было. Все мы раньше делали глупые вещи.

Елена слегка удивилась: до сих пор в разговоре с ней Вырубов ни разу не признавался, хотя бы косвенно, в самой малейшей уголовщине.

Ехали они действительно не очень долго: выскочили из города по Елизовскому шоссе, почти сразу свернули направо, промчались по расчищенной и потому уже оттаявшей дороге и тут же свернули еще раз – в огромные распахнутые ворота краснокирпичного особняка.

«Мерседес» въехал во двор, машина сопровождения осталась за оградой, и шофер, выскочив из машины, галантно открыл пассажирам двери. Сначала Вырубову, потом Елене.

Елена сразу поняла, что перед ней – загородный особняк Вырубова. Особняк этот был знаменит в архитектурных кругах города – не творческими находками, разумеется, а историей постройки.

Первым застройщиком особняка была некая контора, призванная из самой Москвы. Никаких особых изысков Малюта не требовал, а милостиво согласился на типовой проект. Первый застройщик выстроил дом до самой крыши, изредка заглядывая в чертежи и руководствуясь эпизодическими пожеланиями хозяина типа: «А чтобы спальня была сто квадратных метров». Дом уже крыли черепицей, когда выяснилось, что москвичи украли на строительстве около двухсот тысяч долларов.

Последовало короткое разбирательство, в ходе которого москвичей искупали в речке Нарым и взяли с них штраф, а следующим застройщиком дома стал нарымский архитектор Кабанцев.

Кабанцев отделал дом и включил отопление, и тут выяснилось, что дом не отапливается. Стали выяснять, почему дом не отапливается, и оказалось, что подвал, в котором расположен котел, до самого верха забит строительным мусором, а дымоход, ведущий через все перекрытия, залит бетоном. Застройщик маленько не разобрался с типовым чертежом и принял дымоход за опорную конструкцию.

Выхода из подвала предусмотрено не было, и поэтому Кабанцев пробил в стенке подвала дыру и вычерпал оттуда весь мусор. После этого он разобрал четыре этажа перекрытий и крышу и перестроил дымоход, потому что иначе это сделать было нельзя. После этого крышу и перекрытия настелили вновь и включили котел, и тут оказалось, что котел опять не работает, потому что за время своего пребывания под слоем мусора он вроде как сопрел.

Малюта выгнал Кабанцева и отечески пожурил его, после чего Кабанцев спешно продал свой бизнес в Нарыме и слинял в Новосибирск, а Малюта нанял третьего архитектора.

Третий архитектор снова разобрал крышу, перекрытия и подвал, вынул оттуда старый котел с помощью вертолета и поставил новый. После этого в подвал зашел Малюта, обозрел владения и удивился тому, что у него есть такой большой подвал, посреди которого стоит такой маленький котел. И велел обустроить в подвале сауну с бассейном.

Тут оказалось, что сауну с бассейном в подвале при такой планировке обустроить нельзя, потому что котел стоял посреди подвала, а чтобы в подвале помещался бассейн, котел должен был быть в углу. После этого архитектор еще раз разобрал крышу, перекрытия и подвал и переставил с помощью вертолета котел в угол, а посреди подвала устроил сауну и бассейн.

После этого сауна в первый же месяц сгорела.

Больше ничего примечательного архитекторы об этом доме не рассказывали, потому что по изяществу планировки он походил на общагу с позолоченными унитазами.

Ни малейшей попытки хоть как-то отличить себя от других многочисленных кирпичных хором, сделано не было: все та же кирпично-романская архитектура, неизбежная башенка, вставная челюсть балкона и стрельчатое окно общей залы, агрессивно выдвинутое, как брыли у бульдога. Между домом и крепкой оградой, увенчанной битым стеклом, высоковольтной проволокой и телекамерами, не было ни единого кустика, сколь можно было судить под мартовским снегом. Только далеко в стороне стояли несколько высоких таежных сосен с розовыми стволами, и по тому, как высоко начинались нижние ветки, было ясно, что еще год назад здесь был сплошной лес, вырубленный теперь под особняк.

– Нравится? – спросил Вырубов.

– Нет.

– Вот и мне тоже нет, – с детским простодушием признался Сергей, – я, когда его строил, я им говорю, чего я хочу. А они мне, вместо того, чтобы сказать, «это нельзя», так и строят чушь какую-то. Ну почему по-человечески нельзя объяснить, а? Я что думаю: либо его продать, либо вон туда оранжерею с бассейном приделать. И сад насадить... Я зачем тебя сюда привез, чтобы ты насчет сада сказала... Давай обойдем это чудо кругом...

И они пошли вокруг дома. Вырубов шел впереди, широким, размашистым шагом, равнодушно ступая то по скользкой тропинке, протоптанной его пацанами, то в неглубокий и мокрый февральский снег. Елена, не предполагавшая, что ей придется уезжать из города, была не в сапогах, а в коричневых плотных туфлях, и снег очень быстро намочил и туфли, и нейлоновые гольфы, и отвороты замшевых брюк.

Сад действительно впечатлял: от забора до забора здесь было гектара три, не меньше. Девственно чистое пространство, на котором можно было изобразить что угодно – хоть альпийскую горку, хоть пруд с уточками.

Возле сосен снег был залит в солидный каток с двумя воротами, – видимо, пацаны Вырубова уважали хоккей. Тут же дорожка расширялась, по ней можно было идти вдвоем. Вырубов дождал Елену и пошел с ней рядом. Елена слышала его ровное, спокойное, как у ребенка, дыхание и, скосив глаза, видела освещенные весенним солнцем сосны и на фоне их – чуть смуглое гладкое лицо с жестким подбородком убийцы и слегка скошенными вверх, грустными глазами Пьеро.

Они шли и шли, и Елене вдруг показалась, что эта дорожка идет бесконечно, и что розовые стволы сосен похожи на ступеньки, по которым можно подняться на небо. А потом вдруг

дорожка кончилась, и они оказались у массивного кирпичного крыльца, формой и изяществом точь-в-точь напоминающего буханку бородинского хлеба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.